

Глава 1

Настоящее время

Эмили

Я сидела в удобном кресле и, тесно сжав колени, с превеликим интересом наблюдала, как мой палец неторопливо выводит очередную букву на хлопковой ткани простых серых штанов.

Э. М. И. Л. И.

Палец вильнул змейкой, смахивая невидимое.

Э... Й... Д... Е... Н...

Замерла. Где-то в районе шеи, под горлом, началась знакомая дрожь.

Нет. Не сейчас.

Стерла.

Но стереть можно только здесь. Внутри не сотрешь. Не выскоблишь. Не смоешь.

Попробовать другое? Но что другое? Может... Нет.

М... А...

Палец не слушался. Тормозил. Не хотел. Или не хотела я.

Дверь в кабинет отворилась, моя рука всего на пару секунд зависла в воздухе, а затем плавно опустилась на бедро, чтобы продолжить свое увлекательное занятие.

Несколько уверенных шагов, и хозяин кабинета бесшумно опустился в кресло напротив меня. Между нами не было никаких преград, лишь небольшой стеклянный столик и мгновенно выстроенная мной невидимая стена обороны.

С особой педантичной аккуратностью я дорисовала букву «Л» и подняла глаза на доктора Леона Кауфмана. Вживую он выглядел моложе, чем я могла предположить по фото. Сколько ему? На вид не больше тридцати.

— Не хотел тебя отвлекать, — мягко улыбнулся он.

Не хотел отвлекать в его же собственном кабинете? Почему мне вообще разрешили остаться здесь в его отсутствие? Какая-то уловка? Показатель доверия?

— Тогда я могу делать это весь сеанс?

— Если это приносит тебе положительные эмоции, то безусловно.

У собеседника был приятный голос. Глубокий, размеренный. А еще белые зубы. Слишком белые. Голливудские.

— Но, если ты не возражаешь, я хотел бы поговорить о твоём самочувствии, Эмили, — деликатно произнес он.

Леон Кауфман — один из ведущих докторов этого потрясающего заведения для сумасшедших, а начиная с сегодняшнего дня — мой лечащий врач. Он является профессионалом в области психиатрии. По крайней мере, так было написано в брошюре, которую я нашла в комнате в первые же сутки своего добровольного заточения.

Да, помимо книг, я вынужденно читала брошюры, потому что воспользоваться интернетом здесь не представ-

лялось возможным. Мобильники и другие гаджеты пациентам категорически запрещались. Но великодушно разрешались посещения членов семьи и телефонное общение, проходящее в отдельной, специально оборудованной для этого комнате.

Кэти не пропустила ни одного визита, ни одного звонка. Но пропустила я. Каждый. Не хотела видеть. Не хотела с ней разговаривать.

— Почему? — ворвался в мои размышления голос доктора Кауфмана.

Я нахмурилась, не понимая, о чем речь.

— Почему ты не хочешь разговаривать с сестрой? — дополнил он свой вопрос, и я осознала, что последнюю мысль произнесла вслух.

Потому что она ассоциировалась с той жизнью, которой у меня больше нет. И никогда не будет. Теплые семейные ужины вчетвером остались в каком-то далеком, словно вовсе не моем прошлом. Как и шуточные громкие споры. Серьезное лицо Дэниела и подначивающий его сходить на очередную архитектурную выставку Райс. И ведь он ходил с нами. Дважды. Хотя ни черта в этом не понимал. Эйдену никто не мог отказать.

И теперь у них... все осталось так же. А у меня все разрушилось. Сгорело. А сейчас горело то, что уже истлело. Беспорывно вращающееся колесо моих страданий.

Это закончится когда-нибудь? Я выздоровею? Боль уйдет?

Я промолчала и опустила взгляд в пол. Со мной было трудно. Я знала. И, возможно, именно поэтому мне сменили врача. Все предыдущие недели меня третировал какой-то седой старик. Он мне не нравился. Как и его кабинет. В нем было слишком ярко. Незаконно живо. Было по глазам.

Здесь было темнее. Комфортнее. Словно видно наполовину и сложно прочитать по глазам. Меня это вполне устраивало. А еще мужская свободная рубашка навыпуск и приглушенного цвета слаксы не ассоциировались с обликом врача. Меня тошнило от белых халатов и визитных бейджей.

— Я провел небольшое расследование и раскрыл твою маленькую тайну, — неожиданно сообщил доктор.

Я забегала по его лицу подозрительным взглядом, пытаюсь найти в мужской мимике объяснение этой довольно странной фразы.

Кауфман улыбнулся уголками губ и, нажав кнопку интеркома, попросил зайти свою помощницу.

Невысокого роста брюнетка в том самом раздражающем белом халате с прицепленным к внешнему карману дурацким бейджем не заставила себя долго ждать. Дежурно улыбаясь, она внесла в комнату поднос и, с глухим стуком опустив его на столик, сразу же удалилась.

— Угощайся. — Доктор непринужденно подхватил одну из чашек с ароматным кофе и сделал глоток.

Я не торопилась последовать его примеру и продолжала настороженно, с долей неприкрытого недоумения пялиться на тарелку с заварными пирожными. С целой горой заварных пирожных.

— Кофе не рекомендуется пить с нейрорептиками.

Леон Кауфман в деланном удивлении приподнял бровь. Словно спрашивая: «Серьезно? Разве врач тут не

я?» В этом движении проскользнула беззлобная насмешка, и эта простая человеческая эмоция припала мне по душе. Предыдущий доктор изо дня в день одаривал меня лишь профессиональной участливостью и ничем другим, что могло бы хоть как-то напомнить об обычной жизни за пределами психушки. И та рабочая маска не вызывала у меня никакого желания раскрыться, довериться.

Леон Кауфман же умудрился за первые пять минут завоевать немного моей симпатии.

— Я внес коррективы. Ты не принимаешь нейрорептики уже неделю, — размеренно и, по моему мнению, запоздало известил он. — Лишь легкий антидепрессант.

Я зависла. Отмотала дни назад и поняла, что мое самочувствие действительно изменилось. Я стала чаще бывать на свежем воздухе, и у меня появились силы на чтение, а не только на бессмысленное созерцание больничного двора. К слову, очень хорошо обустроенного. Дэнниел не поспешил и разместил меня в одной из лучших клиник с таким высоким забором, что мысли о бегстве могли возникнуть разве что у сумасшедшего. Какая ирония. Здесь все были сумасшедшими.

— Почему вы их отменили? Что, если... Что, если моя шизофрения вернется? — я прошептала свой диагноз настолько тихо, будто, если озвучила бы громче, окончательно свихнулась бы и попыталась перелететь вышеупомянутый забор на вымышленном драконе.

— У тебя нет шизофрении, — уверенно заявил доктор и с неприкрытым удовольствием откусил кусок заварного теста.

Этот мужчина меня поражал. Он ел фисташковые пирожные, запивал их ароматным напитком и разговаривал так, словно я — его подруга и пришла на кофе-брейк.

— Знаешь, — как ни в чем не бывало продолжил Леон Кауфман, — с точки зрения науки и врачебной практики большая часть специалистов поставила бы тебе именно этот диагноз. Но не я.

К приятному голосу стоило смело прибавить добрые глаза и располагающую улыбку.

— А что у меня тогда?

— Я расскажу о своих предположениях. И прошу тебя обращаться ко мне просто по имени. Ни к чему нам дополнительные сложности.

Предположения? То есть, сомнения все же имелись?

— Но сначала я хотел бы обсудить с тобой один момент. — Без резких движений он вернул чашку на блюдце и перевел взгляд на меня. — Я разговаривал с твоей сестрой. Она сказала, что авария произошла полтора года назад, а Эйдена ты начала видеть приблизительно четыре месяца назад. Но это не так. — Его выражение лица никак не поменялось, но предложение прозвучало с еле ощутимым нажимом, словно с непроизнесенной вслух просьбой: «Прошу, не обманывай». — Он появился намного раньше.

Я до боли в ногтях вцепилась в ручки кресла, осознавая, что никогда не разомкну заколдованный круг, если не расскажу хоть одной живой душе правду о том, что творилось внутри меня все это время.

Почему я выбрала Леона Кауфмана? Я не понимала. Я выбрала бы другого. Но другой, скорее всего, сидел за решеткой, и надежда на нашу встречу в обозримом будущем слабела, таяла, как мороженое под прицелом солнечного луча. Мороженое. Которое мы так и не поели...

Вариантов не оставалось.

— Да, доктор, вы правы. Он появился намного раньше.

Полтора года назад

— Ты же это несерьезно? — я неверяще смотрела на Эйдена, стоящего напротив меня посреди гостиной. — Ты просишь перенести свадьбу? После стольких месяцев подготовки?!

— Да, Мили, — спокойно подтвердил он. — Я прошу тебя об этом. Предложение Лестора — уникальная возможность. После проекта «Баттерфляй» мне будут открыты все двери. Мы будем жить совсем по-другому.

— Мы же все распланировали! Бобби подписал мне две недели отпуска! Мы купили билеты! Завтра я хотела оплатить ресторан! А ты говоришь — перенести?!

— Мы потеряем некоторую сумму, это так. Но приобретем больше, — невозмутимо стоял на своем Райс. И эта невозмутимость поджигала во мне столп злостных искр. — Просто поверь мне.

— Тебе плевать на деньги! — я повысила голос, и Эйден напрягся. Он не любил, когда я кричала. — Но на меня тебе тоже плевать?! Можно сделать предложение и свалить на три месяца в Италию! Приехать и, забив на свадьбу, снова свалить! Только теперь — в Австралию и непонятно на какой срок! А я?! Где в твоих планах я?!

— Ты всегда в моих планах, — сдержанно парировал он. — Я устраиваю наше будущее.

— Нет, Эйден. Ты устраиваешь свое будущее, и я уже не уверена, что все еще имею к нему прежние отношение.

— Тебе нужно успокоиться...

— Нет. Мне нужно, чтобы мой мужчина меня услышал!

— Я тебя слышу. Не кричи.

А это уже была новая интонация, означающая приближающийся конец разговора. Еще максимум минута, и Райс просто уйдет. Он терпеть не мог конфликты.

— Ты ведешь себя эгоистично! — безжалостно напирала я.

— Что ты предлагаешь?! — неожиданно взорвался Эйден, и я чуть не прикусила язык от удивления. Он никогда не повышал на меня голос. — Чтобы я отказался от шанса, который выпадает раз в жизни?! Я шел к этому несколько лет! Я вернусь, и мы сыграем свадьбу, какую ты захочешь. Я прошу тебя меня понять!

— Почему я всегда должна понимать тебя? Когда ты уезжал в Италию, ты тоже просил меня понять. Я хотела прилететь, но ты отказал...

— У меня было много работы. Я спал по три часа, я же говорил...

— Откуда я знаю, что это правда?

Эйден изменился в лице.

— Что ты имеешь в виду?

Я пожалела, что сболтнула лишнее, но отступить не позволила глупая гордость.

— То и имею! Может, нашел себе другую и весело проводил время, пока я тут страдала без тебя!

Райс не двигался. Его поза стала напряженной, губы вытянулись в одну тонкую линию. Верхняя совсем исчезла. Он злился. Сильно злился.

— Ты сама не веришь в то, что говоришь.

— Почему не верю? — я не могла остановиться. Меня просто разрывало от несправедливости. От его поддержки. Хотелось ужалить побольнее. — Думаешь, я не вижу, как на тебя смотрит твоя сокурсница? Как ее там?.. Эшли!

— Боже, — Эйден устало вздохнул и провел рукой по волосам. — Мы общаемся только по вопросам учебы.

Я отказывалась внимать доводам разума.

— А сколько этих «Эшли» было в Италии?

— Ты несешь полный бред. Никого не было.

— И как я могу это проверить?

— А нужно проверять? Мое слово для тебя ничего не значит?

Я ступевалась. Его слово значило для меня все. Он значил все.

— Тебе нужно повзрослеть, Эмили. Я не могу постоянно находиться рядом. Существуют определенные обстоятельства, при которых я вынужден покидать страну. Но это не значит, что ты для меня не важна или что я тебе изменяю. У меня работа такая, предполагает разъезды.

— Я не хочу переносить свадьбу, — вызывающе сложив руки на груди, уперлась я. — Если ты уедешь, то...

— Что?

— То мы расстанемся!

Шантаж — гадкое дело. К тому же фальшивый шантаж. Я не собиралась с ним расставаться. Я хотела, чтобы он... черт... чтобы он пытался остановить меня. Но Райс не торопился участвовать в этом наипутейшем мероприятии.

— Ты такой ребенок, Мили, — произнес он, и эта фраза обожгла изнутри противной обидой.

— Ребенок?! Тогда почему бы тебе не найти кого-нибудь повзрослее?! — Я заполошно пролетела мимо него в спальню и начала остервенело сдирать одежду с плечиков.

Он вошел следом за мной.

— Куда ты собралась?

— В детский сад! Туда же ходят дети, если я не ошибаюсь.

Эйден схватил меня за руку. Не больно. Но достаточно для того, чтобы ощутить дискомфорт.

— Прекрати. Ты ведешь себя глупо.

— Глупый ребенок, что поделать! — Я вывернулась из его хватки и, скинув халат, принялась яростно натягивать джинсы.

— Ты переворачиваешь все мои слова.

— Разве? — Просунув голову в вырез черного топа, я бросила в его сторону насмешливо-злобный взгляд.

— Не нужно никуда идти. Ты успокоишься, и мы все обсудим.

— Мы все уже обсудили! — трагически произнесла я и достала из шкафа туфли с убийственными каблучками. — Я — капризный ребенок. Ты — успешный, умный, знающий, чего хочешь от жизни, безумно верный, развезжающий по миру и зарабатывающий бабки мужчина. Тебе нужна понимающая девушка, — я выдохлась и, завязав пояс тренча, подняла взгляд. — Может, это просто не я?

Интонация была вопросительная и какая-то жалобная. Жалкая. Я так и умоляла глазами: *«Не отпускаяй меня. Останови! Опровергни каждое идиотское слово!»*

Но, видимо, предел был и у него. Потому что, не сказав мне ни единого слова, он развернулся и вышел из комнаты.

Еще целую минуту я как идиотка топталась на месте и буравила взглядом дверь, ожидая, что вот-вот Эйден вернется, обнимет меня и попросит остаться. Но время шло, а комнатный проем оставался пустым.

Все, что касалось Райса, вызывало внутри целую бурю эмоций, и именно в данной ситуации я не смогла дать